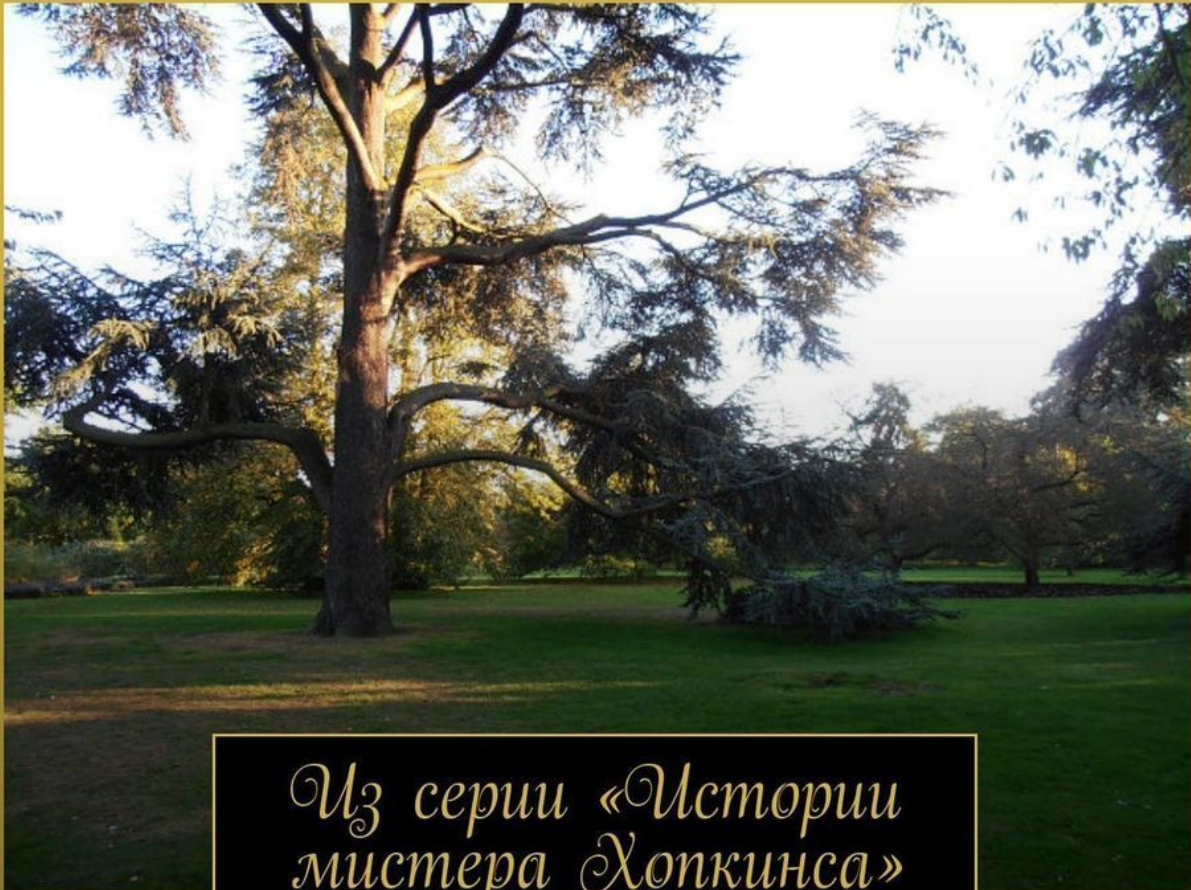

Ива Ковальски

Тайна Устры

*Из серии «Истории
мистера Хопкинса»*

Ива Ковальски

**Тайна Устры. Из серии
«Истории мистера Хопкинса»**

«Издательские решения»

Ковальски И.

Тайна Устры. Из серии «Истории мистера Хопкинса» /
И. Ковальски — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-501692-8

Молодой писатель Виктор Хопкинс неожиданно попадает в мрачное поместье Хартбери. С тех пор, как владелец Хартбери полковник Блэкмор привёз из путешествия статуэтку древнего индийского божества, в поместье происходят странные вещи. Что это — проклятье индийского идола или человеческая ловкость? Писателю предстоит не только раскрыть тайны Хартбери и его жителей, но заодно и переосмыслить свою собственную жизнь.

ISBN 978-5-00-501692-8

© Ковальски И.
© Издательские решения

Тайна Устры

Из серии «Истории мистера Хопкинса»

Ива Ковальски

© Ива Ковальски, 2020

ISBN 978-5-0050-1692-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Деревенский бал был в самом разгаре. Скрипачи в помятых фраках изо всех сил яростно извлекали бодрые звуки кадрили. Молодые замужние дамы и девушки на выданье кокетливо приподнимали шёлковые юбки в цветочек, стремительно отстукивали каблуками в такт и весело неслись вместе со своими кавалерами по кругу.

Мистер Бернс, любезно предоставивший в качестве бального зала свою бывшую таверну, развалившись на стуле и мило улыбаясь, щедро одаривал шутками и комплиментами пожилых дам, чей возраст и положение оставили танцы далеко в прошлом.

Балы были таким редким явлением в этих краях что, если где-то и случались, то туда съезжались не только местные жители, но и все соседняя округа. Так случилось и на балу в Розбери. Владельцы Кэнфорд и Уайтинг Корт, их домочадцы и простые зажиточные горожане чувствовали себя вполне комфортно в бывшей таверне Бернса. Обстановка уравнивала все сословия и упрощала общение.

Виктор Хопкинс стоял, прислонившись к косяку двери, и со скучающим выражением на лице, наблюдал за танцующими. Как хозяин Розбери, он не мог проигнорировать столь значимое мероприятие, но и заставить себя изображать радушие и удовольствие совсем не намеревался.

С семи лет оставшись сиротой, Виктор был взят на воспитание своим дядюшкой, состоятельным владельцем Розбери, мистером Бодригейлом. Дядюшка, сам чуждый каких-либо склонностей к воспитанию детей, всё же решил отнестись достаточно серьёзно к своей новой миссии опекуна юного Хопкинса и нанял ему учителей. Целая плеяда преподавателей по рисованию, музыке, танцам и даже фехтованию наводнила Розбери. А следить за успехами мальчика на тернистом пути науки и обо всём докладывать дяде должна была мисс Элиот, тощая сварливая гувернантка в пенсне. Мисс Элиот ела свой хлеб недаром и после тринадцати лет беспощадной муштры, Виктор Хопкинс превратился в блестящего, чопорного и великолепно образованного молодого человека с отличным вкусом и хорошими манерами.

В двадцать пять лет унаследовав Розбери, мистер Хопкинс нанял отличного управляющего Гарри Элтона, который содержал имение в полном порядке. Щедрое жалованье, которое было значительно выше чем у соседей, вполне этому способствовало. Впрочем, Виктор Хопкинс не отстранялся полностью от дел поместья, и дважды в неделю Гарри Элтон предоставлял обширный отчёт о своём управлении.

При таком положении дел Виктор Хопкинс мог бы вообще не работать и празднично проводить время, но он предпочитал заниматься любимым делом. С детства имея склонности к писательскому труду, мистер Хопкинс посвящал ему всё свободное время. Его литературное творчество развивалось лишь в одном направлении – таинственные истории, запутанные преступления и всё, что требовало напряжённой мыслительной деятельности и разгадки. Таких историй в графстве Эссекс случалось немало и Виктор Хопкинс стал участником не одной и не двух. Стопка рукописей в ящике массивного стола из морёного дуба росла по мере активности автора. Виктор Хопкинс надеялся, что, когда она уже не будет помещаться в ящике, он

сможет их опубликовать. Он не мог судить насколько талантливы его литературные работы, но точно знал, что к распутыванию загадочных случаев и преступлений у него явные способности.

В любом случае, несмотря на странные, по мнению многих, увлечения, статус богатого холостяка делал Виктора Хопкинса желанным гостем соседних домов, особенно там, где имелись дочери на выданье. Впрочем, он совсем не торопился жениться и не только потому, что знал себе цену. Все молодые особы, живущие в радиусе двадцати миль, казались ему глупыми и недалёкими, а их кругозор ограниченным лишь одной целью – выйти замуж.

Приличия не позволяли Виктору отклонять приглашения или забывать наносить визиты к соседям, но вид очередной румяной невесты в нежно-розовом платье и с пальцами в руках, сидящей в гостиной возле распахнутого окна, вызывал у него лишь усмешки.

И дались им эти пальцы! Вышивка в руках по замыслу добродетельных мамаш должна была показывать такие качества будущей жены как трудолюбие и домовитость. Но увы! Они не знали, что суровая мисс Элиот никогда не расставалась с пальцами и всё время что-то царапала иголкой, вызывая у Виктора Хопкинса лишь негативные чувства, особенно к этим пресловутым пальцам.

Надо отметить что у Виктора всё же хватило внутреннего благородства оценить титанический труд мисс Элиот, потому что держать молодого наследника в ежовых рукавицах смогла бы далеко не каждая гувернантка. Поэтому после смерти дяди и вступления в право наследования, мистер Хопкинс назначил ей пенсию, купил небольшой домик в близлежащем местечке Миддлтон и отправил на заслуженный отдых с глаз долой. Что, впрочем, не мешало мисс Элиот частенько навещать в Розбери, чтобы посплетничать с прислугой и по привычке проверить всё ли на месте в доме.

Сдержанное покашливание вывело Виктора Хопкинса из детских воспоминаний. Перед ним стоял усатый седой мужчина средних лет с военной выправкой:

– Добрый вечер, мистер Хопкинс. Если вы помните, полковник Блэкмор из Хартбери. В прошлом году мы встречались в Лондоне на вечере Стоун-хаус.

Полковник Блэкмор был интересной личностью. В прошлом году его рассказы о путешествиях в Индии, а также экзотические предметы и животные, привезённые из дальних странствий, взбудоражили не одну лондонскую гостиную. Виктору Хопкинсу также было интересно послушать такого примечательного человека.

– Да-да, конечно, помню. Однако, что привело вас в такую даль? – удивился он. – Ни за что не поверю, что эта деревенская вечеринка могла быть столь привлекательной!

– Нет, конечно же нет. Хотя здесь довольно мило. Сейчас я нахожусь по делам в поместье Кэнфорд. Едва узнав, что в Розбери дают бал и вы здесь будете, тотчас напросился сюда вместе с хозяевами на правах гостя. Генри Кэнфорд рассказал мне все деликатные подробности вашего с ним прошлогоднего дела. Разумеется, под честное слово джентльмена, что я буду молчать как рыба. Он очень высокого мнения о вашем остром уме и проницательности.

– Ах, этот случай...

Действительно в прошлом году Виктор Хопкинс случайно стал свидетелем отчаяния семьи Кэнфорд, так как единственная дочь Генри – избалованная и взбалмошная Лиз внезапно исчезла из дома. Так как ни констебль, ни местное отделение полиции, ни даже лондонский приезжий инспектор не могли найти хоть какой-нибудь след, Виктор предложил свою помощь. Он быстро сопоставил последние события семьи Кэнфорд, расспросил нескольких людей и без труда доказал, что ветреная девчонка попросту решила сбежать с одним лондонским повесой с большими долгами и дурной репутацией.

Её перехватили по пути в Лондон в одной из дорожных гостиниц, прежде чем она успела покрыть себя и свою семью вечным позором. Скандал удалось предотвратить с помощью щедрых вознаграждений полицейским и всем, кто участвовал в поимке в обмен на полное молча-

ние о случившемся. Само собой, Виктор тоже как джентльмен пообещал держать всё в тайне. Однако слухи о его необычайно остром уме и мыслительных способностях стали распространяться за пределы Кэнфорда и Розбери.

– И до этого случая я слышал, что вы питаете особую страсть к различным запутанным задачам, головоломкам и таинственным происшествиям, – сказал полковник Блэкмор после небольшой паузы, – а я попал в очень затруднительное положение и собираюсь просить вас о помощи,

– Да, всё, что требует упражнения в мыслительной деятельности привлекает меня с детства. И хотя думаю, что слухи о моих необыкновенных способностях сильно преувеличены, буду счастлив помочь, если в этом есть необходимость.

– Тогда давайте выйдем и поговорим в спокойном месте без свидетелей, – полковник достал сигару, демонстрируя для публики желание закурить и делая вид, что он выходит из помещения именно для этого. Они вышли за двери зала, прошли по длинному коридору, минуя слуг и вышли на улицу.

Это был чудесный осенний вечер. Ночное небо то и дело роняло звёзды на землю, и они догорали на высоте, исполняя чьи-то желания. В воздухе стоял запах яблочного повидла и свежего сена.

– Сядем в мою коляску, – предложил Виктор Хопкинс.

Они сели в коляску, предварительно убедившись, что поблизости никого нет.

– Видите ли, дело очень странное, – начал полковник Блэкмор. – И если бы нее мой здравый смысл, то я подумал бы, что имею дело с потусторонними силами.

При этих словах Виктор почувствовал, как мурашки поползли вверх по спине, но не от того что он верил в потусторонние силы. Так бывало всегда, когда подворачивалась какая-нибудь интересная и запутанная история, требующая разгадки.

Полковник Блэкмор тем временем продолжил:

– Думаю, что вы слышали о моей страсти к путешествиям по странам Востока. Внешняя политика нашей страны поспособствовала тому, что последние пять лет я провёл в Индии не только как путешественник, но и как член дипломатической миссии, что вовсе не мешало мне посещать интересные места: примечательные индийские храмы, древние развалины и местные лавки с предметами индийского обихода.

Как вы знаете индуизм предполагает многобожие, хотя многобожие – это ещё мягко сказано. У них тысячи богов, божков и божеств. Думаю, что они сами толком не всех знают.

Так вот однажды я забрёл в старую индийскую лавку где-то на окраине Бомбея. Старый и морщинистый как печёное яблоко индус, улыбаясь беззубым ртом, жестами пытался предлагать мне купить статуэтки, талисманы и прочую дребедень.

Одна статуэтка всё же заинтересовала меня. Это была фигурка явно женского пола, сделанная из черного дерева и покрытая в некоторых местах позолотой. Она была вырезана в позе лотоса, с непропорционально большой, по сравнению с туловищем головой и в руках держала какой-то свиток. Позолоченный глазницы производили какое-то страшное и неприятное впечатление.

Индус, видя, что я заинтересовался фигуркой, что-то начал объяснять мне, но я ни слова не понял из того что он говорил. К счастью, в этот момент в лавку заглянул второй индус, который немного говорил по-английски. Он решил помочь нам и рассказал, что фигурка эта, по словам тощего старика, древняя богиня знания и мудрости Устра. Много лет назад она была покровительницей семи индийских мудрецов, которые основали храм с золотой крышей на холме Вэи. Богиня дала мудрецам знание, как найти спрятанные сокровища правителей Вэи и построить из них храм. Они нашли золото и драгоценные камни, но жадность овладела ими, и они решили спрятать часть сокровищ, чем сильно разгневали Устру. Она осыпала их золотой пылью, как знаком своего гнева, а потом поразила страшными язвами. И лишь после

того как мудрецы принесли в храм не только спрятанное золото, но и всё своё имущество, болезнь в тот же миг исчезла.

С тех пор считается, что своих почитателей Устра одаривает необычайными способностями и всякими познаниями, а также даёт ясность в разуме, помогает выйти из жизненных тупиков и обрести гармонию, но стоит её чем-либо разгневать, как она сию секунду может поразить человека ужасными язвами. По легенде, сначала человек покрывается золотой пылью как знак того, что именно Устра решила проявить свой гнев, а затем на теле показываются ужасные нарывы, которые, впрочем, быстро исчезают, стоит задобрить Устру жертвоприношениями в виде золотых украшений. Так Устра показывает свою отходчивость и человеколюбие.

По правилам, золотые украшения нужно принести в вечернее время к ногам Устры и в полночь они растворятся в воздухе. И, о чудо! На следующее утро больной просыпается абсолютно здоровым.

Так на ломаном английском я узнал эту мифическую историю и мне захотелось купить фигурку. Может потому, что после услышанного Устра словно ожила и перестала быть заурядной статуэткой среди тысяч таких же безликих божков. А может потому, что это был сложный период в моей жизни, я не знал правильно ли поступаю, и кому как не мне нужны были ясность и мудрость. Я купил фигурку за три фунта, привёз домой и поставил на камин рядом с другим экзотическими предметами.

Сначала всё было тихо и спокойно. Но в последнее время я решил прекратить свои путешествия и посвятить себя семье и делам в поместье, которые, к слову сказать, пошли совсем скверно. Я стал проводить дни, закопавшись в финансовых бумажках и разгребая наши долги и неурядицы. И вот совсем недавно у нас произошли очень странные события, которым я не нахожу объяснения.

Как-то вечером к нам приехали мистер Фицджеральд с мистером Смитом. Время было позднее, они решили остаться на ужин и переночевать у нас. Перед ужином мистер Смит обратил внимание на фигурку Устры на камине и, естественно, начал задавать вопросы. Я рассказал ему и Фицджеральду историю Устры. Мы посмеялись над тем чего только не выдумает религиозный люд. При этом Фицджеральд сказал полушутя-полусерьёзно:

– Надеюсь, мы не разгневали богиню Устру, а иначе нам придётся приносить в жертву золотые украшения, чего очень бы не хотелось.

Через пять минут подали ужин, потом мы немного поиграли в бильярд, в полночь все разошлись по спальням и утром гости откланялись.

Но на следующий день случилось вот что. Моя жена проснулась утром с лицом, испачканным золотистой краской. Следы от краски были не только на лице, но и на руках и ногах. Честно говоря, я не мог даже представить, чтобы кто-то осмелился забраться к нам в спальню и сделать такое. Тем более, что на ночь мы запираем дверь спальни на замок. Пока мы недоумевали, что бы это могло значить, на теле миссис Блэкмор стали появляться небольшие язвы, которые быстро превращались в нарывы. Всё тело ужасно чесалось. Я немедленно вызвал нашего доктора Парли из Роллингтона. Приехал он и его коллега, который по счастью был у него проездом из Лондона. Однако ни тот, ни другой не могли поставить хоть какой-нибудь вразумительный диагноз, потому что ни на оспе, ни на трофическую язву, ни на какую другую болезнь это не было похоже и главное не поддавалось лечению. Мы были в отчаянии. Болезнь всё больше прогрессировала, а доктора разводили руками.

В конце концов они решили созвать консилиум из Лондона, чтобы зафиксировать новую болезнь, доселе неизвестную врачебной науке.

Полковник Блэкмор зажёл сигару и выпустил дым в окно кареты. История увлекла Виктора Хопкинса, и он нетерпеливо зашевелился.

– Ну и что было дальше? Что решил консилиум?

– А ничего. Я не стал ожидать вердикта врачей и смотреть как мучается моя бедная жена.

– Что же вы сделали?

– Просто принёс в жертву Устре фамильную золотую брошь с бриллиантами.

В карете воцарилась пауза. Виктор Хопкинс первым нарушил тишину:

– То есть как? Как вы это сделали?

– Я просто с вечера положил брошь рядом с фигуркой Устры, и после полуночи она просто исчезла.

– Но вы даже не попытались посмотреть, что с ней будет?

– Мистер Хопкинс! Неужели вы думаете, что я верю в эти небылицы с жертвоприношением? Но моя супруга слёзно умоляла меня сделать это, так как у неё было предчувствие, что она поправится. Я думаю, что причитания этой выжившей из ума миссис Уилкс поспособствовали её настроению.

– А кто такая миссис Уилкс?

– Выжившая из ума старая нянька миссис Блэкмор. Ей девяносто лет, и она нянчила не только мою жену в детстве, но и её покойную маму. Да и наши дочери росли под её присмотром. Поэтому миссис Уилкс так дорога для миссис Блэкмор. Она ходит даже в жаркую летнюю погоду в тёплом пальто, старых шерстяных носках и постоянно угрожает Божьей карой, если мы не покаемся. Я терплю её только из-за сентиментальной слабости моей супруги. Едва фигурка Устры появилась в нашем доме, как миссис Уилкс поковыляла к викарию для святого причастия и пыталась окропить весь дом святой водой. А едва с моей женой приключился этот недуг, старуха то и дело твердила, что во всём виноват этот языческий идол.

Когда ни святая вода, ни молитвы, ни причастие не помогли, миссис Блэкмор стала уговаривать меня поступить согласно легенде и отдать Устре золотую вещь.

– Не могу поверить, что вы просто так ушли, оставив дорогую вещь безо всякого любопытства, что же с ней будет.

– Нет конечно. Я остался в гостиной возле камина и решил не сводить с фигурки глаз, чтобы доказать всю глупость данного мероприятия. На тот случай если вдруг меня сморит сон, я подвинул диван к камину таким образом, что через меня пришлось бы буквально перепрыгивать, чтобы приблизиться к Устре. Сон и в самом деле сморил меня где-то в три часа ночи. Но проспал я недолго – минут тридцать. Когда открыл глаза – броши уже не было.

– Ну и дела? А что же с болезнью?

– Представьте себе, утром драгоценная миссис Блэкмор встала абсолютно здоровой. Язвы исчезли, как будто их и не было.

– Прямо так сразу исчезли?

– Не в одну секунду конечно. Сначала они уменьшились, исчез красный цвет и через несколько часов от них не осталось и следа. Кожа была абсолютно чистой.

Виктор Хопкинс задумался на минутку и спросил:

– Ваше мнение об этой истории?

– Ещё раз повторюсь, что я не верю во все эти глупости с действием потусторонних сил. Должен сказать, что все золотые вещи, которые есть у моей жены, достались ей от бабушки. Это всё массивные дорогие украшения стоимостью не менее трёх тысяч фунтов каждая. Ещё раз повторюсь, что наши финансовые дела идут всё хуже и хуже и я уже решил, что в крайнем случае придётся продать фамильные драгоценности. Представьте себе, каково думать о том, что их нужно будет пожертвовать снова?

– Вот как? Богиня Устра вновь потребовала жертву?

– Представьте себе! Я занимался делами торговли в поместье Генри Кэнфорда, как вдруг из Хартбери пришло срочное письмо, в котором миссис Блэкмор просит меня немедленно приехать, так как у Эммы, нашей старшей дочери, началась та же самая болезнь, что и у неё. И она так же перед этим просыпалась, вся испачканная золотистой краской. К счастью, сэр Генри посоветовал мне обратиться к вам, и я не стал медлить.

Виктор Хопкинс едва удерживался, чтобы не потерять руки от предвкушения участия в расследовании столь таинственного дела.

– Мистер Блэкмор, сразу скажу, что я не верю в действия так называемых потусторонних сил. Я верю в здравый смысл и в данном деле вижу лишь потрясающую человеческую ловкость.

– Я тоже, хотя и не могу объяснить некоторые явления в этом деле. Даже если предположить, что исчезновение броши и появление краски на теле – всего лишь ловкость человеческих рук, то как вы объясните загадочную болезнь миссис Блэкмор, которую даже доктора не смогли вылечить и которая чудесным образом исчезла.

– Всё это нужно выяснять на месте и думаю, что, не мешкая. Ваш покорный слуга полностью готов вам помогать в этом необычном деле.

– Отлично, мистер Хопкинс. Тогда предлагаю вам вот что. Мы вернёмся с бала в поместье Кэнфорд. Вы вернётесь к себе, соберете вещи и примерно в восемь утра подъедете к развилке Миддлтон и Кэнфорд. Я буду ждать вас возле старой часовни. Пересядете в мой экипаж, и мы поедем в Хартбери. Думаю, мы прибудем точно к ужину.

– Согласен. И чтобы ни у кого не возникало никаких подозрений, я предстану перед вашими домочадцами, как друг, приехавший решить ряд деловых вопросов купли-продажи нового урожая ячменя и пшеницы. Это поможет нам сделать засаду в присутствии вашей богини мудрости и поймать ловкача на месте преступления. А по дороге вы мне расскажете о других обитателях вашего дома.

– Договорились.

Полковник Блэкмор отправился в поместье Кэнфорд, а Виктор Хопкинс к себе домой в Розбери. В доме все спали. Дверь открыл заспанный дворецкий Уильям в ночном колпаке и с зажжённой свечкой. Виктор попросил себе горячего глинтвейна с яблоком и поднялся наверх в свой кабинет.

Нужно было немного поспать перед дорогой, но Виктор очень любил перед каждым новым делом посидеть за своим любимым дубовым столом и подумать. Этот стол, перешедший ему по наследству от дядюшки словно успокаивал взбудораженные мысли и наводил в голове порядок и спокойствие. Своей добротной столешницей, потёртой в разных местах, массивными ногами и коваными ручками с потускневшей позолотой, стол был воплощением устойчивой размеренной жизни и консервативного мышления. Явно впитавший в себя энергетику нескольких поколений, этот стол был любимым предметом Виктора Хопкинса. За ним он писал свои рассказы, за ним выслушивал отчёты управляющего, за ним любил просто что-нибудь почитать, потягивая глинтвейн с яблоком. Сидя за столом, можно было смотреть в открытое окно, за которым открывался чудесный вид графства Эссекс.

Подступал рассвет. Виктору не спалось, и он смотрел как солнечные лучи постепенно заливали зелёные холмы, раскинувшиеся за оградой поместья Розбери. Новый день начинался очень мирно – пели ранние птицы, овцы выходили на пастбище, подгоняемые пастухами и вдали на дороге уже виднелась ежедневная повозка молочника из Миддлтона.

«Когда всё закончится, как же приятно будет вернуться сюда, к своей привычной жизни в Розбери», – умиротворённо подумал Виктор. Сдержанное покашливание Уильяма вывело его из раздумий.

– Уильям, распорядись, чтобы подготовили коляску. Мне нужно добраться до старой часовни Миддлтона. Там я пересяду и поеду дальше.

– Да, сэр.

– Возможно, что в моё отсутствие придёт Гарри Элтон. Скажите ему, что у меня образовались срочные дела и меня не будет недели две.

– Хорошо, сэр. В ваше отсутствие приходила мисс Элиот. Очень была расстроена, что не застала вас дома.

– А что ей нужно?

– Она очень хотела бы посещать приют для бедных при церкви в Миддлтон. И хочет просить вас пожертвовать для этого корзину с едой хотя бы раз в неделю.

– Если бы её добродетель была продиктована состраданием к бедным, а не желанием поболтать лишней раз с женой vicария. Распорядитесь на кухне, чтобы по пятницам ей собирали корзину. И пусть оставит меня в покое.

Виктор вспомнил морщинистое лицо мисс Элиот, пронзительные голубые глаза с птичьим взглядом и поморщился: «Слава Богу, что мисс Элиот не застала меня. Выслушивать наставления, как будто мне всё ещё десять лет, было бы слишком.» Он не мог признаться себе, что, несмотря на свои двадцать семь лет, он всё ещё побаивался свою старую гувернантку и предпочитал больше отмалчиваться чем вступать в полемику.

Через час Виктор Хопкинс уже сидел в коляске и двигался в сторону часовни. Там уже стоял экипаж. Сам полковник прогуливался рядом, покуривая и не спуская глаз с дороги. Виктор пересел в его коляску, и они отправились в дальний путь.

Сначала они пытались разговаривать, но беседа не клеилась. Несмотря на то что Виктор намеревался по дороге расспросить полковника о его домочадцах, бессонная ночь дала о себе знать, и он заснул под мерное постукивание колёс. Полковника тоже видимо сморила усталость, и он последовал примеру Виктора.

Проснулись оба, когда вдали за холмом уже завиднелись оранжевые крыши Хартбери.

Полковник сказал, усмехаясь:

– Это даже хорошо, что мы выпались. Я думаю, что нам сегодня предстоит интересная ночь. Возможно, богиня, ворующая золотые броши, предстанет перед нами из плоти и крови.

– Возможно. Что вы можете рассказать об остальном вашем окружении в Хартбери. С миссис Уилкс всё понятно. Я не думаю, что девяностолетняя старуха причастна к этой мистической истории.

– Да, вы правы. Я сразу отмёл её кандидатуру. Если честно, то самое первое моё подозрение упало на Шурму.

– Кто это?

– Он индус. Пять лет был моим верным слугой в Индии и пожелал переехать за мной в Англию. И хотя он крестился здесь в Хартбери и принял христианство, я всегда подозревал, что он продолжает внутри себя верить в своих богов, хотя и не афиширует это.

– Но каковы могли быть его мотивы?

– Не знаю. В голову лезут самые бредовые мысли. Например, он религиозный фанатик и ненавидит англичан. Может ему надоело быть слугой.

– Вы сказали, что он пять лет служил вам в Индии. Вы замечали в его поведении что-либо странное?

– Да нет вроде. Служил он хорошо и был очень привязан. У него не было семьи и там, вы знаете, тяжело заработать себе на хлеб. Я думаю, поэтому он и напросился отправиться со мной.

Коляска тем временем въехала во двор, и жители Хартбери вышли встречать их.

Миссис Блэкмор оказалась бледной худощавой женщиной с усталыми глазами. Видно было, что странствия мужа вдали от дома совсем не украсили её. А последние события в семье и вовсе выбили из колеи. Виктор отметил, что она довольно сдержанно обняла мужа, но тут же отвернулась и залилась слезами, которые пыталась тщетно скрыть.

Рядом с ней стояла младшая дочь Кэтрин. Она была полной копией матери с одной только разницей в возрасте. Но уже была заметна её нервная и легко возбудимая натура. Глуповато-наивное выражение на её лице очень бросалось в глаза и говорило о недалёком уме.

Виктор Хопкинс сразу узнал миссис Уилкс и с удивлением обнаружил, что для своих девяносто лет она ещё очень бодро держится и неплохо выглядит, несмотря на шерстяные

носки и теплую кофту. Под мышкой миссис Уилкс держала старую потёртую Библию в кожаном переплёте и вместо приветствия пробормотала какие-то цитаты из Священного Писания:

– С лукавыми по лукавству, с милостивыми милостиво... Содержи сосуд свой в святости....

Индуса Виктор не увидел среди встречающих, но одна молодая особа привлекла его внимание. Тёмные глаза с приподнятыми внешними уголками, прямая безупречная осанка и какой-то царственный внешний вид, как будто человек смотрит на всех сверху вниз – все эти черты как-то не вязались с простеньким платьем то ли гувернантки, то ли бедной компаньонки. Виктор почувствовал, что от её взгляда его словно обволакивает и затягивает в бездну неизвестная, чарующе-бархатная сила. К тому же в ней было что-то очень знакомое, но что, Виктор никак не мог припомнить. Он решил попозже расспросить полковника об этой даме.

Сам по себе поместье Хартбери не понравилось Виктору. Он привык к своему дому, который был обычной квадратной формы и стоял на открытом месте, весь увитый плющом и кустами рододендрона. Розбери был прост и дружелюбен на вид, в отличие от дома полковника, который словно состоял из маленьких мрачных пристроек разной формы и даже цвета. Остроконечные башенки придавали дому угрюмый вид, а отсутствие растительности во дворе делало его неудобным.

После первых приветствий миссис Блэкмор пригласила Виктора Хопкинса зайти в дом. Полковник последовал за ними:

– Да, да. Я тоже провожу вас. Дорогая, мистер Хопкинс – мой друг и деловой партнёр, но он также в курсе наших событий, так что можно не стесняться.

– Тогда может быть зайдёте проведать дочь. С каждым днём ей становится хуже.

Виктор Хопкинс отметил раздражение, проскользнувшее сквозь слёзы миссис Блэкмор.

Они поднялись на второй этаж и прошли по длинному коридору. Жена полковника открыла последнюю дверь и скрылась за ней. Через пять минут она попросила мужчин войти. На широкой кровати лежала миловидная светловолосая девушка с голубыми глазами, очень похожая на полковника Блэкмора. Кожа её лица и рук действительно были покрыты мелкими неприятными язвами красного цвета.

Виктор Хопкинс отметил, что несмотря на всю плачевность её положения, она всё же сохраняла живой блеск в глазах и энергичность, и схожесть со своим отцом усиливала это впечатление.

– Эмми, дорогая, как ты?

– Всё хорошо, папа. Я верю, что эти беды, свалившиеся на нашу семью, скоро закончатся.

– Эмми, Эмми....

Полковник обнял дочь и прижал её к себе. Виктор Хопкинс подумал в этот момент, что родители разделили свою любовь между дочерьми.

Они вышли и миссис Блэкмор разрыдалась:

– Ах, как мне дурно... Ну почему это проклятье разразилось именно над нами? Неужели это всё из-за этой проклятой статуэтки. Я сожгу её....

Полковник подождал, пока вспышка истерики угаснет и невозмутимо сказал:

– Дорогая, это мы и собираемся выяснить. Мистер Хопкинс мне поможет, только прошу об этом не распространяться. Пока это тайна. Кстати, что на этот раз говорит доктор Парли?

– То же, что и в прошлый раз, только теперь он думает, что это эпидемия и настаивает вызвать врачей из Лондона.

– Хорошо. Мы обязательно это сделаем. А сейчас я хотел бы обсудить с мистером Хопкинсом план действий.

Миссис Блэкмор молча всхлипнула и скрылась в конце коридора. Виктор Хопкинс с полковником спустились в гостиную. Там на огромном камине стояла небольшая, всего 8 дюймов высотой, та самая злосчастная фигура. Пустые позолоченные глаза смотрели куда-то вдаль,

сквозь время и расстояние и оставляли какое-то жуткое ощущение. Виктор Хопкинс поёжился. «Бог знает зачем ему взбрело в голову купить эту статуэтку?», - подумал он. – «Странная здесь вообще атмосфера.»

В свои годы Виктор уже умел разбираться в людях. По крайней мере он так думал. Будучи желанным гостем почти во всех приличных домах графства, и, имея острую наблюдательность и склонность к анализу, он мог безошибочно определить, что за атмосфера царит в семьях, какие отношения между домочадцами, кто кого любит, а кто ненавидит.

Обстановка в доме полковника ему не понравилась и дело было совсем не в том, что все опечалены последними событиями. Виктор Хопкинс готов был поклясться, что полковника держат дома скорее всего финансовые проблемы. Не будь их, он так и продолжал бы странствовать по свету, необременённый меланхоличной супругой и заботами поместья. Так же Виктор Хопкинс был уверен, что жена мистера Блэкмора не прочь попечалиться просто так, изображая страдания, даже когда для этого нет никакого повода. И возможно раньше она так и поступала даже чаще, чем нужно. Тут Виктор вспомнил, что он хотел расспросить полковника кое о чём:

– А кто это молодая особа, которая стояла рядом с Кэтрин? Весьма загадочная.

– Это мисс Дженифер Оук. Она воспитывалась в нашем доме с детства. Можно сказать, что мы дали ей образование вместе с нашими дочерьми. Мы взяли её из дома одной деревенской вдовы, которой нечем было её кормить. Ей было десять лет. С тех пор мои дочери не расставались с ней. До сих пор она была компаньонкой и помогала по хозяйству, но боюсь, что скоро ей придётся искать место гувернантки где-нибудь в приличном семействе. Хартбери уже не в состоянии прокормить лишние рты.

– Ваши дочери привязаны к ней?

– О да! И она их очень любит. Два года назад Кэтрин подхватила лихорадку. Так вот, мисс Оук ночами не спала, сидела возле неё, пока она не поправилась. Она очень привязана. Как собака...

При этих словах Виктор Хопкинс вспомнил большую лохматую собаку, которая жила у них на конюшне. Конюх подобрал её в лесу, худую, голодную и грязную. Несколько недель он откармливал её обрезками мяса и костями с кухни. Собака поправилась и осталась жить в его каморке, везде следуя за ним как хвост. Но вот конюх женился на лавочнице из Мидллтона, нашёл себе новую работу и покинул Розбери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.